ТЕАТР

ОБМАНУТЫЕ ОЖИДАНИЯ

ТЕАТР у нас любят. Театру доверяют. Особенно, если он московский. Для нашего зрителя это — как знак качества: московский, особый, столичный! И подают учреждения и организации заявки, и в день раздачи билетов театралы толпой бродят за общественным распространителем и льстивыми голосами просят его «войти в положение», ибо желающих много, а билетов мало, и заявки удовлетворяются в довольно-таки урезанном виде.

И приходит день. Урвав часок от рабочего времени (ибо спектакль начинается в 16 часов, что в будний день несколько удивительно), наш театрал, при параде и в приподнятом настроении, оказывается в зале Дома офицеров флота на спектакле Московского театра миниатюр «Скрытой камерой».

Но прежде чем поднимется занавес, его уже ожидает первый сюрприз. Ибо в программке часть миниатюр вычеркнута небрежным росчерком карандаша, а внизу, после имен всех исполнителей, черным по белому выведено: «Театр оставляет за собой право в отдельных случаях заменять одну миниатюру другой».

И это само по себе настораживает. Потому что зритель знает: спектакль — это вам не солянка сборная. И даже если он состоит из отдельных новелл, то каждой должно быть отведено определенное место в общем построении спектакля. Ведь в самом деле же, в «обыкновенном», не «миниатюр» театре исполнитель обычно не оставляет за собой право заменить, скажем, монолог «Быть или не быть?», другим — «А судьи кто?». При всей конгениальности обоих монологов!

И чем дальше в лес, тем больше дров. Начиная с первой миниатюры — «Ваня, ты как здесь?» по новелле Василия Шукшина — зрителя не оставляет ощущение того, что актеры, выступающие на сцене, равнодушны и к произносимому тексту, и к партнеру, и к той тысяче с лишним человек, которые собрались в зале. Чем, как не равнодушием, можно объяснить низкопробно натуралистическое изображение двух алкоголиков в миниатюре «День, полный жизни» и включение в программу (очевидно, здесь театр воспользовался уже заявленным «правом») вместо миниатюры «Скрытой камерой», которая и дала название спектаклю, всем давным-давно известного скетча «с бородой» — «Хочу харчо»?

А финальным, так сказать, аккордом всего спектакля становится фарс «Р-р-р-ревность» — вялая и пошловатая вариация на тему настолько старого, что его и среди «своих» давно уже рассказывать возбраняется, анекдота о ревнивом муже и любовнике в шкафу. На Нижегородской ярмарке 1884 года такой фарс, возможно, был бы вполне к месту. Но сегодня?..

Театр — это творческий коллектив. Объединенный общим мироощущением, общей эстетической программой, общей гражданской позицией. И работать он может «только на очень высоком художественном уровне, иначе можно совершенно незаметно увязнуть в потешательстве невзыскательной публики». Эти слова завлита театра Аллы Губайдуллиной мы прочли в предварявшей гастроли информации в «Вечернем Таллине». К сожалению, в спектакле «Скрытой камерой» театр именно увяз в потешательстве.

Юмор — продукт скоропортящийся. Потчевать зрителя юмором 10—15-летней давности — занятие довольно сомнительное.

О гастролирующем театре зритель судит в первую очередь по спектаклям, которые он привез на гастроли. Неужели коллектив Московского театра миниатюр совершенно не волнует, что подумают о нем зрители, посетившие представление «Скрытой камерой». Неужели театр настолько не уважает ни публику, ни себя, что решился выехать на гастроли с явно не отвечающим ни его сегодняшнему уровню, ни эстетическим запросам зрителя спектаклем?

ИГОРЬ ПЕТРОВ.

ВЕЧЕРНИЙ ТАЛЛИН
г. Таллин
* 3 ОКТ 1985